

* Н * В * П *

Н О В А Я П О Э З И Я

ГАЛИНА
Ермошина

*

ДВОЕТОЧИЕ

Новое
Литературное
Обозрение

МОСКВА 2024

УДК 821.161.1.09
ББК 83.3(2Рос=Рус)6
Е74

Ермошина, Г.

Е74 Двоеточие / Галина Ермошина; предисл. И. Кукулина. — М.: Новое литературное обозрение, 2024. — 176 с. (Серия «Новая поэзия»)

ISBN 978-5-4448-2568-6

Тексты Галины Ермошиной — «письма миру», развивающие традиции Эмили Дикинсон и Елены Гуро, Розмари Уолдроп и Владимира Казакова. Не самовыражение, но бережное взглядывание, выстраивание диалога с людьми и предметами в их индивидуальности и сложности. Одновременность касания и удаления, радости и безнадежности, иронии и ответственности. Подвижный мир превращений, децентрирующего взгляда и неиерархической логики, где есть и эклиптика, и кофейная шелуха, и набор греческих букв, и европейский пейзаж. Попытки уловить несловесное словами, воссоздать внутренние события при помощи ассоциаций, приходящих извне. Галина Ермошина — поэтесса, прозаик, эссеист. Автор книг стихов «Окна дождя» (1990), «Оклик» (1993), «Круги речи» (2005), книг стихотворений в прозе «Время город» (1994), «Оклик небывшего времени» (2007), «Песчаные часы» (2013). Переводит современную американскую поэзию (Р. Уолдроп, К. Кулидж, Л. Хеджинян, П. Джицци, Мей-Мей Берссенбрюгге, К. Фолькман, М. Мерфи и др.). Рецензии и статьи о современной литературе публиковались в журналах «Знамя», «Дружба народов», «Октябрь», «Новое литературное обозрение», «Цирк „Олимп“», «Русский журнал». Стихи переведены на английский, французский, итальянский, польский, китайский языки. Живет в Самаре, работает в библиотеке.

УДК 821.161.1.09
ББК 83.3(2Рос=Рус)6

© Г. Ермошина, 2024
© И. Кукулин, предисловие, 2024
© Н. Томилина, фото, 2024
© К. Киселевич, фото на обложке, 2024
© И. Дик, дизайн обложки, 2024
© ООО «Новое литературное обозрение», 2024

Содержание

<i>Илья Кукулин. В углах тишины</i>	<i>5</i>
«Из трещины в каждом камне...»	13
«Он работает Орфеем...»	15
В этом месте его построили...»	16
«Едва ли греки знали...»	17
«Смотри в темноту этим выжженным взглядом...»	18
«Рыба, собранная из воздуха...»	19
«Горькая радуга царапает осторожные тени рыб...»	20
«Огонь сворачивается внутри себя...»	21
«для родившегося на суше...»	22
«Он плавает материками...»	24
«В голове плавают цветные рыбки...»	25
«Тебя нет, ты растворился в подтексте...»	26
«Ждать со знаком плюс...»	27
«Пересекая вот и так...»	28
«Нет, не вирус...»	29
«У молчащего для тебя найдется ответ на все...»	30
[голем]	31
«Время появляется вечером...»	32
Равноденствие	33
«Две твоих полночи...»	35
«А эта чертит себя на песке воде...»	36
«Были бы они...»	37
«Растет сначала из земли...»	38
«сворачиваться бессоннице в воздухе...»	39
«Под голову только твердые сорта дерева...»	40
«Отставая на йоту и мел...»	41
«это помощь или помощник...»	42
«Чешуйчатое пламя, эта земля привыкла...»	43
«Письменные палочки, чернила воздуха...»	44

«прорезается память молочным зубом...»	45
«Вырой ямку в земле, положи в нее истолченный лист...»	47
«И где-то рядом наступает на след смолы...»	48
«между августом и китаем...»	49
«И каждый из них — пейзаж, прошитый горизонтом...»	51
«Принеси на стекла огорчение...»	52
«и смотреть на китай...»	53
«Она думает, что слишком от многого становится больно...»	54
«Ты отмечаешь линию каменной рыбы...»	55
«И ты говоришь, мышь...»	56
«Комната не длиннее рифмы...»	57
«Городские фонари отмывают городское небо от копоти...»	58
«Греки назвали бы его свободой...»	59
«горизонталь листа...»	60
«Потому что эти сетки на окнах...»	61
Говорить	62
«Как вода в темноте тяжелеет и жалит...»	62
«Сжимая каменные ребра кораблей...»	62
«Крапивные радости...»	63
«И возвращать кирпич камню, известь — мелу...»	63
Между парусом и веслом	64
«Между веслом и парусом на границе...»	64
«То, что остается, ограниченное...»	64
«Как выбегает на дорогу за античной белизной...»	65
«Теперь им только остывать до черноты...»	65
Они напишут	66
«Они напишут глубоко окуная руки в камень...»	66
«Тебе не потрогать ноги увязнут...»	66
«Или листы сверни...»	66
«Им не больно, они — письмо...»	66
«Она тебе ширина, ты мне длинна...»	67
«Что еще больше как пустотой терять...»	67
«А все остальное — как тебе захочется потом...»	68

«Как ты устаешь в этом сегодня...»	69
«Здесь всегда другой календарь...»	70
«А теперь туда, в твой сон...»	71
«С крестика на крестик выдумывать и складывать...»	72
«Призраки электронной почты...»	73
«Они не с тобой, не к тебе...»	74
«Так хорошо забывать неузнанное...»	75
«В этом письме полно пространства...»	76
«У тебя без тебя будет завтра...»	77
«За этим домом тебя поджидает пропасть...»	78
«Эта морская и воздушная жизнь звенит...»	79
«место где земля земля...»	80
«если не оторвешься от Рима...»	81
«Не все оно здесь так уж и страшно...»	82
«И длительность этих линий...»	83
«так и будет смеяться крапивой...»	84
«А лучше всего за небом, не внутри, а позади него...»	86
«И придумать, как он покатится...»	87
«Часы отстукивают свой вес...»	88
«Давай считать его прочитанным...»	89
«Ты плывешь по этой нити, как рыба...»	90
«Место для глаголов для зачеркнутых для ладоней...»	91
«Внутри листа ты смотришь...»	92
«Просвеченный с этого края...»	93
«Который ломает пространство веслами...»	94
«Так издалека, что не найдется ни осколка...»	95
«Сначала опередить, потом отойти...»	96
«Это камни, которые начинают бросать в тебя камни	97
«Вырезаю из твоих ответов улыбки...»	98
«Ну на каком языке рассказать, как лжет язык...»	99
Указания к применению	100
«нет не получится — как ни своди края...»	101
«Кто тебе сказал, что ты должен...»	102

«Человек, который всегда между...»	103
«какие феи тебя украли...»	104
«Долго и подробно — два-три слова и обрыв...»	106
«Теплые рыбы ловят ртами сонные крючки...»	107
«В это время года она повторяет прописи его губ...»	108
«Так они тают — самые острые...»	109
«Итак, номер восемнадцать сквозь желтые отверстия...»	111
«Когда его станет неожиданно много...»	112
«Ко мне идет не письмо...»	113
«расплетая совиные гнезда...»	114
«Непрочитанных — ноль...»	115
«Не успевая за этой солью — не добыть ее...»	116
«Бережным ключом смятым квадратом...»	117
«Вместе с железными втекаешь горизонталью...»	118
«Бездоннее, чем падение Рима...»	119
«Что тебе чай, то ей кофе...»	120
«Зимней скоростью вогнутого...»	121
«Что вокруг отвечает, чем дальше помнит вода...»	122
«Для запястий — лед, чуть больше шороха...»	123
«Тот, кто еще жив сквозь бумажные рельсы...»	124
«Начиная с единицы, понемногу отступая...»	125
«Гирями, горем на цепочке, оплетая маятник сетью...»	126
«И убираешь его подальше с глаз...»	127
«Легкая бездомность, легкие дóма...»	128
«Слово, дрожащее на краю воздуха...»	129
«Здесь начинались растения...»	130
«На этом месте теперь оказывается причина...»	131
отпечаток	132
«Когда все твое стекло выплескивается...»	134
«Твой адрес никогда не остается прежним...»	135
«В твоей подушке только дым...»	136
«На другом языке остается только темнота...»	137
«Она там спала всегда...»	138

«Где еще не быть только буквами...»	139
«И падать невысоко и не больно...»	140
«Которую держит насквозь воздух...»	141
«В те ветреные дни, когда молчание разматывает дом...»	142
«Карамельный ад, добровольный свет...»	143
«Дом, чтобы уйти, орехи собирают темноту...»	144
«Расправить и отвести, с песком под щекой...»	145
«И ты говоришь им, что все забыла...»	146
«В синие почтовые ящики...»	147
«сквозь амфоры и лекифы цветами эгейского моря...»	148
«Лабиринт в ореховой скорлупе...»	149
«За чьими железными бочками литься сухой воде...»	150
«У самой земли полынь и мята...»	151
«Глаза открываются к северу...»	152
«Угольные кубики расколотых набережных...»	153
«Белые птицы выглядят осторожнее и беззащитнее...»	154
«Осадок по следу хрусталика полдня...»	155
«Внутри него двоеточие...»	156
«Вместо обугленных чернил мокрые надписи...»	157
«Гладкие пальцы воздуха скрипящие числа...»	158
«Стрельчатые птицы, осторожные места...»	159
«Обломок мягкого серебра...»	160
«Пентеликон, где они складывают свой мед...»	161
«Этот остров, выстроенный из слабости земли...»	162
«Ночь отделяет темноту от кожи...»	163
«Вслух к запертой двери...»	164
«Чем она гуще, когда укол секунды...»	165

Эссе

На периферии зрения и слова (частный взгляд на современную словесность)	166
--	-----

* * *

Из трещины в каждом камне до промежутка из слов, так все твоё деревянное — форточка, крыльцо, скамейка, ящик и фигурки богов, завернутые и ветвящиеся — ловить пыль ты умеешь до бесконечности. Мимо трамваев, потому что железные, а песок и так принесут, утро не помешает. Слушать, как он говорит по нитке воды, превращая все тени, растущие вдоль. Держит и не дольше дальше. Только потом узнаешь — да и этого много лишнего, если оставаться без коры в зиму. А глазам болеть от темноты, заворачиваясь в тепло ступенек и переплетов. К ним, бессонным, отворачиваться и связывать.

Когда греки жили в своей латыни, не запрещали говорить воде. И в самой середине пути до самого левого края просто подожди, не стирая отпечатков птичьих и рыбьих лап до всего потерянного горизонта. Там оно — под самыми книжными полками, побудь возле, если не есть ли, да и не будет, увернется, доберешься ли в одинаковое одиноким?

Тогда эта точка показывает путь над всей пустотой, цепляется за ее углы. Ночью тени мягче, а день каменеет сам, если оборачивается. Гладкими прудами, в которые ныряют железные пузырьки на серебряных цепочках, ниже всех красный, над ним синий, а светло-зелеными ты набиваешь карманы. Самое донное приключение застрянет под кожей острой щепкой, колкой костью — чужой ли руке не знать твоей боли.

Уговори сон, говори с ним сама, чтобы ему не заснуть — со снами такое бывает, и с ними тоже. Если ниже половиц, то какой еще тебе надо дороги — из белого пера да из-за угла. Тебе — одинаковые шарики татарника, ключие резные, вырезанные из ветра и соли. Подберет и напомнит длинным касанием безразличного и упругого.

Так рыбы, спящие во льду, торопятся изо всех плавников успеть до тепла забрать всю печаль зимней воды. Большого им не выбрать, как и не выбраться больше из реки, разве что разлиться на тысячи мелких молчаний.

Различая только разные виды отсутствий, смотреть воздухом, видеть темнотой. Слышать твердостью и разностью. Закрытая внутри двери белая невозможность, приходится ближе и мягче, как будто запомнит и отпустит. Забывая длиться там, где никогда не бывает другого. Кто тебе теперь дальше дальнего? Откуда будет сниться снег с того самого дня, когда отставание начало отставать все ближе и теснее?

На тесном берегу столпился весь сегодняшний воздух, гладкий и твердый, с жестяным цветом и чернильным запахом. Между первым и осторожным всегда окажется слишком похожий на все несуществующие половинки медных поездов. Распутывая печаль, накапаешь в чашку разбитого со смородиной и потемками. Тут же прибегут жаловаться береговые и дощатые, не подсказать, простудиться и выкинуть. Уголками и уголками кидается темный и ровным слоем раскладывает по пунктирам проводов.

До утра по белым осколкам уходить тому, кто не успеет.

Обведенная так, что совсем о ней не жалеешь, чтобы падать и разбивать коленки о железо или стекло, и тянется до берегов, до ее меда вместо глагола, где тяжелые бочки, и дни продолжают длиться. Уходить на дно и вытягивать оттуда золотую леску, а дом замерзает в шуме ласточек и больших кувшинов. Между теплом и запасом дыма только лоб в ладонях, и от побега отделяет воздух горчичный, в котором рыбы успевают на сушу выйти и научиться плести сети.

* * *

Он работает Орфеем, выводя пьяных эвридик на свет божий из лабиринтов и подземелий. Она плетет для него нить, и сама еще не знает — привязать его к себе или дать в руки и отпустить к минотавру. Она распускает связанное, распарывает ночные рубашки на паруса, выбрасывает веретено и строит лодку. Он живет в миле от ее острова, его дети — одноглазые великаны, что ловят северные ветры. Каждую ночь он лепит слепыми пальцами ее лицо, утро стирает его память, и он начинает новый лист, раскладывая на песке овечью шкуру, привезенную из последнего плавания. В пути у нее отрастают плавники, и она приплывает к нему в рыбьей чешуе, в молчании, нарисованная на дне его серебряной чашки.

* * *

В этом месте его построили, потом забыли, потом умерли и те, кто построил, и тот, кто забыл. Но умолчание не прошло ему даром, так медленно он выращивал в лабиринте шестиугольные комнаты. Ничего не переделывать, Фивы опять устоят, вычеркнутые из повторений и списков. А тот, кто отнял речь у Минотавра, не опередит сам себя, определяя жесткость воды, прочность дожда, размывающего эти стены. Но не спрашивай у хозяина Алефа, что за мир лежит в ящике его стола — этот город и этот день — случайность и моментальность точки посреди предложения. Зрячие пальцы у края стены отпускают в темноту вощеную бумагу с мертвыми письменами.

* * *

Едва ли греки знали, что их запрут на первом этаже Эрмитажа, позволяя только по ночам ходить в цокольный этаж к египтянам, чтобы выпить вина, которое хитрые египтяне выторговывают в подвалах у вавилонян, а те выменивают его на свежую кровь у шумеров Московско-Петроградской линии, чьи поезда увозят Данте туда, где тот, кого не называют по имени, сидит в центре земли и лепит из глины очередного бога.